

Л.А. Озеров

«На пороге как бы двойного бытия...»

<...>

Знание классиков, знание Цицерона у Тютчева было с юности (в библиотеке Мурановского музея хранится издание писем Цицерона в немецком переводе — экземпляр книги, принадлежавшей поэту).

В 1830 году, когда Тютчев находился в России, где в конце июля стало известно о революционных событиях во Франции, ему пригодилось это знание. Строки «Я поздно встал — и на дороге застигнут ночью Рима был!» — перифраз слов Цицерона из его сочинения «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах» («Скорблю, что я, выступивши в жизни, как бы в дорогу, с некоторым опозданием, — прежде, чем был окончен путь, погрузился в эту ночь республики»). Весь строй стихотворения говорит о глубоком знании предмета. «Медь торжественной латыни» звучит в этих тютчевских ямбах. Воспаленная мысль Тютчева о революционной поре, в которую вступил Запад, о судьбах России, стоявшей, по его же слову, как утес среди разбушевавшегося моря народных волнений, о своей собственной судьбе мыслителя и поэта в переходную эпоху — вот что делает уместными и необходимыми исторические реминисценции.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Эти строки из «Цицерона» десятки раз вспоминались нашими современниками, брались в качестве эпитафий, цитат, — они помогали и помогают уяснить, в чем «блаженство» или «счастье» родиться и жить в эпоху переходов, сдвигов, перемен, в эпоху, названную поэтично — «минуты роковые». Для Тютчева это было не реминисценцией, а живым переживанием. Переживание у Тютчева стало осознанной мыслью, мысль обрела образ в истории древнего Рима. Жизнь и культура соединились.

<...>